

РОКОВОЙ СОБЛАЗН

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

ЧЕТВЕРТЫЙ
ЛИШНИЙ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

**К60 Четвертый лишний / Владимир Колычев. —
Москва : Эксмо, 2022. — 288 с.**

ISBN 978-5-04-161619-9

Четырем старым школьным друзьям пришло сообщение, что всех их приговорили к смерти. Действительно, вскоре трое из них, один за другим, погибли от рук неизвестного убийцы. Оставшийся в живых Трофим Крупилин вспомнил, что в школе они с друзьями издевались над некоторыми одноклассниками. Возможно, кто-то из них таким образом, спустя годы, мстит за свое унижение? Трофим спешит разыскать обиженных сверстников и находит одноклассницу Таисию. Несмотря на старые обиды, девушка вызывается помочь Крупилину и даже какое-то время скрывает свое истинное отношение к нему...

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Колычев В.Г., 2021

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-161619-9

Глава 1

Небо серо-голубое, ветер строит в нем и ломает воздушные горы из облаков тех же уныло-светлых тонов, а на земле качает зеленые кроны деревьев, треплет за края грязно-белую занавеску, им же вытянутую из форточки на пятом этаже соседнего дома. Безликие улицы, однообразные дороги и скучные прохожие в упорядоченном хаосе человеческого, все куда-то идут, чего-то хотят, к чему-то стремятся, а к чему — об этом не хочется и думать. Но если вдруг подумать, то всех ждет туманная вечность, в общем, что там тоска зеленая, что здесь...

Трофим Крупицын стоял у окна и крутил в пальцах сигарету с коричневым фильтром и вспоминал молодость. Еще каких-то двадцать лет назад он только учился жизни, постигал скучную теорию в тихих школьных классах, а занимательную практику — в шумных подворотнях. Учителя не уставали повторять: «Курить — здоровью вредить!», а друзья плевали на их нравоучения. От них Трофим и набрался — и курить научился,

и матом ругаться. А вот слабых не обижал, может, потому что сам был физически сильным. И характером природа его не обидела, на тренировках держался до последнего, в спаррингах всегда бился за победу, а вот с друзьями его сильный характер порой давал слабину. Дима Евсюков был старше на два года, а Илья Муратов и Слава Кислицын — на один. Эта компания верховодила не только во дворе, но и в школе, Трофим уже в девятом классе стал кандидатом в мастера спорта по боксу, но уважали его больше за то, что дружбу с ним водил сам Слава Кислый.

Себя Трофим в обиду не давал, а вот за других постоять мог не всегда. Девчонка одна ему нравилась, одноклассница, двоечница, причем с умным взглядом, хрупкий стеклянный флакон, в который заключены противоречия. Тая Козьмина плохо училась, туго думала, не совсем ясно выражала свои мысли, да и внешне не красавица, но глаза... Трофим видел в них темное северное небо с полярным сиянием в нем. А Мурат и Кислый не видели в них ничего, они знали, как Тая учится, как думает, как говорит, поэтому щадить ее не стали. Они собрали шуточный консилиум, вызвали Таю на медкомиссию, присутствовать на которой заставили Трофима. Нет, они не заставляли Таю раздеваться, они просто вынесли ей приговор, вернее, поставили диагноз: четвертая стадия дебилности. Все бы ничего, но о результатах этой глупой медкомиссии они оповестили всю школу.

Тая не плакала, не билась в истерике, но замкнулась в себе. Трофим, помнится, нашел в себе смелость перед ней извиниться, она не откликнулась, как будто и не услышала, но его друзья после этого будто взбесились. Через месяц появился очередной диагноз: умеренная умственная отсталость в стадии невыраженной имбецильности. На этом они не остановились, еще через две недели вся школа называла Таю законченной имбецилкой. Тая не могла больше терпеть издевательств, говорят, она пыталась покончить с собой, ее вроде бы спасли, но в школу она так и не вернулась. Ходили слухи, что Таю залечили в психиатрической больнице, но, возможно, это вранье. Надежда на лучшее и время сняли с души боль и переживания за несчастную девчонку, Трофим постарался забыть неприятные моменты из своего прошлого. Но вдруг сейчас, глядя на обыкновенную сигарету, вспомнил. И стыд за своих друзей вернулся. Много раз пережитый стыд. И за них, и за себя. Трофим должен был набить морду тому же Кислому, но нет, он смолчал. И даже слова не сказал, когда тот чуть не убил Мишу Бондарева, отработывая на нем удары. Ну глянул косо, и все...

Трофим открыл окно, выбросил сигарету с высоты седьмого этажа и с угрюмым видом пожал плечами, провожая ее взглядом. Работы дворникам, конечно, прибавится, но если сигарета упадет в траву, ее никто и не заметит. От дождя бумага очень скоро размокнет, расклеится, а затем и вовсе

истлеет, табак смешается с травой, с землей. Все в этой жизни превращается в прах. И сам он когда-нибудь растворится в сырой и холодной пучине мрака, но торопить смерть вовсе не обязательно. А вот пахнуть табаком не следует, Слава унюхает, усмехнется, ибо знает, что Трофим бросил курить, едко и зловредно, как он это умеет. День рождения у него, друзей вечером собирает, и не отвертись. Не хотел Трофим к нему ехать, но делать нечего: откажешься — проявишь слабость, а Слава этого не прощает.

Зазвонил телефон, Трофим неторопливо закрыл за собой окно и вышел в прихожую из кухни. На дисплее смартфона — незнакомая комбинация цифр, это подъехало такси. Он уже собрался, осталось только обуться. Сигареты брать не надо, пусть лежат себе на подоконнике, силу воли следует тренировать, и для работы хорошо, и для жизни. А с работой у него все просто замечательно, и личная жизнь обязательно наладится. Тридцать шесть лет ему всего, рано еще вешать нос.

— Ваша позиция в очереди четвертая, — заунывно-монотонным тоном сообщил механический голос.

Трофим усмехнулся: вот тебе и такси! Да и зачем куда-то торопиться ехать, когда есть такая прекрасная возможность встать в какую-то очередь и вспомнить свое детство. Он ведь застал время, когда в очередях стояли буквально за всем, даже в мавзолей попасть можно было только после дол-

гого ожидания. Он, правда, мало что помнит из давней советской поры, тем более Ленина.

— Вы умрете последним, — тем же ровным, начисто лишенным эмоций голосом предрек телефонный робот.

От возмущения Трофим вытянулся в лице. Что это за промоушн такой? Неужели реклама какой-то чудо-клиники? Умереть, чтобы тут же воскреснуть! В новой жизни!.. А ведь найдутся идиоты, которые поверят шарлатанам и попадут в их нехитро расставленные сети.

Телефон молчал, продолжения сообщения не было, Трофим тихонько хмыкнул. Если бы голос заговорил о банковском кредите или о стоматологической клинике например, он бы бросил трубку, но сообщение о смерти заинтриговало. Более того, подсознание ждало продолжения разговора. Хитрый маркетинговый ход, даже коварный, но совершенно бесполезный. Ни в банк он не обратится, ни в клинику, ни тем более в морг. А минут через пять и вовсе забудет о странном звонке.

Через пять минут Трофим уже ехал в такси, настраиваясь на встречу со Славой и своей бывшей женой. О дурацком звонке он действительно не думал. И умирать не собирался. Хотя мысль о возможной смерти его не пугала.

С Аллой он познакомился в ночном клубе, можно сказать, на глазах у Кислицына. Трофим тогда оканчивал институт, Слава только-только вернулся из армии, по этому поводу собрал дру-

зей, устроил вечеринку, водка текла рекой, было весело. Уже за полночь в клуб заехала порядком подогретая компания, Трофим бы и внимания на нее не обратил, если бы не белокурая красотка в коротком платье с открытой спиной. Он задержал на ней взгляд, Слава это заметил и, как водится, решил взять на слабо. Но Трофим не дрогнул, и с Аллой на спор познакомился, и с ее парнем подрался. Боксом он тогда уже не занимался, но статус хорошего боксера подтвердил, такого быка сумел завалить. Слава ему тогда позавидовал: и победу постарался принизить, и с Аллой попытался закрутить. Трофим с ним после этого лет пять не общался, потом отношения снова наладились, но друзьями они только считались.

Не жаловал Трофим Славу, зато Алла сошлась с его женой Ритой, пришлось дружить семьями, а это даты, торжества, застолья. Алла крестила дочь Славы, а Трофим — сына, казалось бы, старые обиды растворились в череде событий, не омраченных серьезными ссорами. Но так только казалось. Слава всего лишь затаился, он ждал своего часа и действовал, рассчитывая на успех. И удача пришла к нему. А Трофиму судьба поставила подножку, он попал под сокращение, остался без работы. Слава раскрутил свою фирму, его бизнес расширился, он построил большой дом. И развелся с женой. Трофим же вкалывал на стройке прорабом, но денег не хватало, еле-еле удавалось выплачивать ипотеку, а еще Алла со

своими запросами, ей ведь и гардероб обновлять надо, и заграничный отдых регулярно подавай. Трофим пахал как проклятый, а она в это время крутила шашни со Славой. В конце концов Кислый своего добился, Алла ушла к нему.

Сегодня Слава собирался водрузить флаг победы на руинах его, Трофима, разрушенной жизни. Только вот зря он старается: Трофим вполне достойно пережил разрыв с Аллой, не затосковал с горя, не запил. Да и некогда ему было переживать. Алла ушла, но вернулся успех, Трофима резко повысили в должности, назначили руководителем целого проекта, а это не только высокая зарплата, но и процент от прибыли. Строительство бизнес-центра он начинал в ранге обычного прораба, а заканчивает проект в статусе топ-менеджера. Все у него хорошо, он знает, как ответить Славе, поэтому и принял его приглашение. И все равно немного грустно. Не так уж и плохо ему без Аллы, но и не хорошо...

Слава встретил его у ворот своего дома. Он стоял, слегка приподнимаясь на носках, вроде как покачиваясь под напором бурлящего в нем темперамента. Сколько помнил его Трофим, Слава действительно никогда не знал покоя, и сейчас лишняя энергия, казалось, выплескивается из него через край. Но на носках он пружинил не только по этой причине, он еще хотел прибавить в росте пару сантиметров, хоть и плотного телосложения мужик, и рослый, но ему всегда хотелось быть выше других, причем во всех

отношениях. Сейчас Слава пытался возвыситься над гостем, стать выше его ростом.

— А почему на такси? — спросил он, с хитрым прищуром глядя на Трофима.

Маленькие, глубоко посаженные глаза, короткий нос с широкой спинкой, массивная челюсть, хорошо развитые желваки. Стрижка у него короткая, а залысины глубокие. Зато руки шерстью поросли, грудь мохнатая, свитер на зиму не нужен. И что только Алла в нем нашла?

— А ты что, не наливаешь?

Славе Трофим задал один вопрос, а себе другой. Действительно, что он здесь делает? Зачем позволяет себя унижать? Все равно ведь никому ничего не докажет. В кои-то веки выпал свободный денек, по молодкам нужно ходить, а не старых жен развлекать, выставляя себя на потеху.

— Алла нальет... — усмехнулся Слава, открывая калитку. И когда Трофим прошел мимо, негромко добавил: — Тебе только нальет.

А Славе Алла еще и постелет, именно это он и хотел сказать. И Трофим должен это стерпеть. Слава же не в лицо бросил, он всего лишь констатировал факт. В спину.

Дом у Славы такой же плотный и основательный, как и он сам, — два этажа, мансарда. И дом просторный, и двор немаленький, детям здесь было раздолье, но нет, Слава их вместе с матерью за порог выставил. Дети, оказывается, не от него, генетическая экспертиза это подтвердила. И это при

том, что сын похож на отца как две капли воды... Трофим пожал плечами. Ну зачем он здесь?

Алла вышла встречать гостя. Тридцать четыре года ей, красивая и свежая, как чайная роза. Но роза эта уже срезанная, поставленная в вазу, и не утренняя роса на ее лепестках, а брызги воды, сорвавшиеся с хозяйских рук. Черты лица не самые правильные и нежные, но приятные, а во всем ее облике был неповторимый шарм, который притягивал мужской взгляд. И тело ее — живой источник эротического магнетизма. Худенькая она, но очень сексуальная. Казалось бы, за время семейной жизни Алла приелась Трофиму, но дух у него захватило.

Алле очень шли вечерние платья с открытой спиной и глубоким узким декольте, именно в таком она к Трофиму и вышла. И посмотрела на него с улыбкой. Как будто он пришел только для того, чтобы помириться с ней и забыть старое. Может, именно для этого Слава и пригласил его, чтобы вдохнуть жизнь в их дружбу? Но это вряд ли. Трофим хорошо знал, с кем имеет дело, поэтому не расслаблялся. И на крыльцо поднимался, глядя на свою бывшую с восторгом случайного прохожего. И чмокнуть в щечку он собирался ее точно так же, как когда-то целовал при встрече Риту, жену своего пусть и не самого лучшего, но друга.

— Эй, а где подарок? — верный себе, беспардонно спросил Слава.

Похоже, он не хотел, чтобы Трофим целовал Аллу, поэтому и попытался сбить его с толку.

— А это, по-твоему, что?

Дружба со Славой — это сплошная череда неловких ситуаций. Сколько раз Слава его подставлял. Но мальчиком для битья Трофим никогда не был. Он мог и в морду дать, и за словом в карман не лез. Слава хорошо это знал. Может, потому и увел у него жену, чтобы одержать над ним очередную победу без рукоприкладства. И на день рождения пригласил, чтобы закрепить свой успех в словесной дуэли, а может и на драку спровоцировать, показать Алле, какой он герой. Трофим не особо держал себя в форме, а Слава и качался усиленно, и грушу молотил, и бицепсы у него мощные, и кулаки не маленькие. Но Трофим его не боялся.

— Чем не подарок?.. — спросил Трофим, кивком показав на Аллу.

Слава открыл рот, чтобы возразить, но Трофим не дал сказать ему и слова.

— Или ты чем-то недоволен?

— Я чем-то недоволен? — задумался Кислый.

Вопрос провокационный, и по тону и по содержанию. Ответить на него в такой же грубой форме — значит подтвердить свое недовольство новой женой.

— Да нет, я-то всем доволен...

— Ну тогда забирай! — Трофим легонько обнял Аллу за талию и также чуть подтолкнул ее к Славе.

Она заметно напряглась, косо глянув на него. Алла не хотела быть разменной монетой в начав-

шемся поединке, но вопрос к Славе. Трофим готов был к схватке, он с удовольствием скрестит шпаги со своим обидчиком, однако Кислый еще может сдать назад.

— Ты это, не борзей! — набычился Слава.

— Шуток не понимаешь? — усмехнулся Трофим, вынимая из кармана футляр с часами. — Что стало с твоим чувством юмора, брат?.. Держи! С днем рождения тебя! Могу даже счастья пожелать!..

— Пожелай, — кивнул Слава, принимая подарок.

— Счастья тебе!.. И тебе тоже. — Трофим не без нежности глянул на свою бывшую.

Алла все так же неотразима, но так уж и быть, он отдает ее Славе в нагрузку к швейцарским часам. А себе он найдет новую любовь. Закончит проект и с удовольствием ударится во все тяжкие.

— Нормально так!.. — кивнул Слава, разглядывая подарок.

Пятьдесят тысяч для швейцарских часов не очень большие деньги, но в то же время сумма значительная. Не так давно Трофим столько зарабатывал в месяц, но сейчас-то у него доход намного выше, и Алла это знает.

— Удружил так удружил.

Алла подошла к Славе, заинтригованно посмотрела на часы, перевела взгляд на Трофима.

— Дорого, наверное?

Алла рассматривала его пиджак, как будто только сейчас заметила новый костюм за тысячу долларов.

— Меня ведь на бизнес-центр поставили, рулить всем проектом.

Трофим коварно усмехнулся, глядя на бывшую супругу. Может, это карма Аллы тянула его вниз, и если так, то вместе с ее уходом кончилась в жизни Трофима и черная полоса. Все у него сейчас хорошо, даже очень.

— Ты это серьезно?

Трофим ничего не сказал, но провел пальцами по волосам, обратив таким образом внимание на дорогую прическу. И на новые часы с золотым корпусом.

Эти же часы заметил и Слава, а он всегда воспринимал чужой успех болезненно.

— Так ты это, рисануться приехал?.. — спросил он, но тут же себя оборвал. И даже заставил себя улыбнуться. Да, Трофим для того и приехал, чтобы козырнуть своими успехами, но, возможно, и часы его, и костюм — всего лишь блеф. Может, он машину свою продал, чтобы пыль в глаза пусть. Слава очень хотел на это надеяться. Более того, он обязательно спросит его об этом.

— А ты зачем меня позвал? — с усмешкой поинтересовался Трофим.

И в этот момент за воротами просигналила машина.

— О! Димка подъехал! — Слава постарался изобразить радость.

Ворота он открыл с помощью пульта дистанционного управления, и во двор въехала серебристая «Оптима» с затемненными окнами. Сначала из машины появился Дима Евсюков, за ним появился Илья Муратов. Евсюк улыбался от всей души, Мурат иронично щурил глаза, пытаясь скрыть за беспечной радостью настороженность. Ему ведь тоже доставалось от Славы и в школьные годы, и потом, он и сейчас всего лишь пытался держаться с ним на равных. А в прошлом и вовсе лез из шкуры вон, стараясь угодить ему. Это ведь он довел как-то молоденькую учительницу до нервного срыва. Если Слава играл первую скрипку, то Мурат заменял весь оркестр, бедная Оксана Максимовна... Она ведь в школу так и не вернулась. Вроде как в другую перевелась, от греха подальше.

— А я так и думал, что вы вместе приедете, — обнимая Диму, кивнул Слава.

Евсюк был в компании самым старшим, однако это не мешало Кислomu верховодить им. Но с Димой Слава осторожничал, от него ведь и схлопотать можно было. Да и сейчас Евсюк выглядел старше всех, мужик мужиком, кряжистый как дуб, косолапый как медведь, лицо обрюзгшее, землистого цвета. И внешность простовата, и одет кое-как: дешевые джинсы, колхозная рубашка в клеточку, впрочем, это его мало смущало. Главное, что машина почти новая, не из последних марок.

— А чего нам не вместе? — улыбнулся Мурат, замахиваясь для рукопожатия.

Он так занят был Славой, что не замечал свою спутницу, маленькую с носом-кнопкой блондиночку лет за тридцать, которая вышла из машины и встала. Не красавица, но миленькая, волосы курчавые, светлые. И одета прилично, белая рубашечка, брючный костюм с жилеткой, которые ей очень шли.

Слава тоже отвел руку, собираясь с размаху ударить его по пятерне Мурата, но специально промазал, как он иногда это делал в прошлом. Вроде бы собираешься хлопнуть по руке, но в последний момент меняешь направления и пальцами взлохмачиваешь себе волосы. Своей головы Слава и пальцем не коснулся, а показал на блондиночку.

— Это кто?

— Лариса, — отчего-то смущенно ответил Мурат и протянул руку, подзывая к себе подругу.

— А почему не просишь любить и жаловать? — усмехнулся Слава.

— А сам не соображаешь? — язвительно ответил Мурат.

Трофим видел, как он внутренне напрягся. Боялся Мурат Славу, но и не дерзить ему не мог. Не может же идти игра в одни ворота.

— А где Виктория Сергеевна? — спросил Слава, взглядом окинув пустующее место рядом с Евсюком, которое должна была занимать его жена.

Это Мурат убежденный холостяк, а Дима женился сразу после школы, супруга у него дама, мягко говоря, взрослая, не зря Слава назвал ее по имени-отчеству. Алла по сравнению с Викой выглядела девочкой.

Евсюк задумался, не зная, с чего начать, или с причины, по какой его жена не смогла приехать, или с последствия этой причины. Но Слава, похоже, и не хотел вникать в подробности.

— Значит, вы втроем? — усмехнулся Кислый.

Он запросто мог предложить Мурату одну постель на троих — для него, для Ларисы и для Евсюка. Возможно, именно это он и собирался сделать, с тем, чтобы Мурат проглотил эту пилюлю. Трофим заметил коварную хитрость в его взгляде. И вдруг решил сыграть на опережение. Мурат, конечно, еще тот фрукт, но все-таки друг ему, а не портянка. Да и Ларисе настроение незачем портить.

— И мы втроем, — сказал он, кивком показав на Аллу.

Слава дернулся как ужаленный, резко глянул на него, но решил не обострять обстановку и заставил себя улыбнуться.

— Да, между прочим!.. — Алла подошла к Ларисе, взяла ее под руку и, с одобрительной иронией глянув на Трофима, повела гостью в дом.

Она разрядила ситуацию, взяв Ларису в свою женскую компанию и оставляя Славу в мужской.

Но при этом ее ничуть не возмутило трио, которое предложил Трофим.

— А мы остаемся умирать, — с усмешкой сказал Мурат, взглядом провожая женщин.

— Чего? — сурово глянул на него Слава.

— Да шучу я, — отмахнулся тот.

— А шутишь к чему... боцман?

— Дима умрет первым, — кивнул на Евсюка Мурат. — А я второй в очереди.

— Это, по-твоему, смешно? — нахмурился Слава.

— А тебя что, тоже в очередь поставили? — спросил Евсюк.

Он пытался улыбаться, но это плохо у него получалось.

— Да звонил робот, — кивнул Кислый. — В третью позицию пытался поставить.

— А меня во вторую, — признался Мурат.

— Когда звонили? — спросил Слава.

— Да вот, ехали... — Мурат кивком показал на машину. — Сначала Диме, потом мне...

— Мне тоже звонили, — сказал Трофим. — Тоже недавно. Ваша позиция в очереди четвертая.

— И все-таки это смешно! — стараясь держаться бодрячком, выдал Мурат.

— Если есть кто-то пятый, — пожал плечами Евсюк.

— И пятый, шестой... — скривился Слава, давая понять, что не хочет воспринимать эту чушь всерьез.

— На мне очередь обрывается, — качнул головой Трофим. — Я умру, сказали, последним.

— В смысле, как последняя сволочь? — Слава не удержался от соблазна съязвить.

— В смысле, нас четверо, а не пятеро, и не шестеро...

— А девчонки считаются? — спросил Евсюк. Он растягивал губы в улыбке, но его голос дрожал.

— А ты что, за девчонками спрятаться хочешь? — уколол его Слава.

— Да мне и раньше звонили, то вторым в очередь поставят, то третьим. И четвертым был, а пятым или шестым нет, — мотнул головой Мурат.

— Ты никогда не был шестым? — скривился Кислый. На душе кошки скребут, но жалить ему это не мешало. Злая у него натура. Скотская.

— Слушай, ты! — не выдержал Мурат.

— А то что? — Слава грозно расправил плечи.

— Если драться, то с Димой. Он должен умереть первым! — натянуто улыбнулся Мурат.

Не выдержала его хлипкая душонка, дрогнул он перед Славой и, пытаясь отшутиться, перевел стрелки на Евсюка. Трофим усмехнулся, наблюдая за происходящим. Странная у них компания, и как она только до сих пор не рассыпалась. Хоть и на честном слове, но все еще держится.

— Да хватит вам, — поморщился Евсюк. И, глянув на Мурата, сказал: — Несешь какую-то ересь!

— Молитву лучше прочитай, — с ухмылкой сказал Слава.

— Какую еще молитву? — покосился на него Дима.

— Отходную!

Евсюк фыркнул, выразительно глянув на Кислого, и вдруг схватился за горло, захрипел, закашлял, выпучив глаза, землистого цвета лицо стало еще темней. Он с силой, казалось, пытался вдохнуть воздух, но что-то мешало ему это сделать. Но, возможно, он просто забавлялся.

— Эй, ты чего? — засмеялся Слава. — Муратка еще даже молитву не вспомнил!

— Дима, ты чего? — забеспокоился Трофим.

Он тоже надеялся, что Евсюк притворяется, но сомнения отпали, когда из его рта хлынула пена. Глаза закатились, он стал падать, Трофим подхватил его, уложил на землю, встав при этом на колени.

— Димка, ты это... не надо! — Слава потрясенно смотрел на Евсюка.

— Дурацкие шутки у тебя, боцман! — пробормотал Мурат.

— Какие шутки? «Скорую» давай! — крикнул Трофим.

Но «Скорая помощь» уже не требовалась. Дыхание у Димы остановилось, взгляд остекленел. Трофим нащупал яремную вену на шее, но пульс не прощупывался. Он не растерялся, ударил Диму кулаком по груди, пытаясь запустить сердце. Это не помогло, тогда он достал носовой платок, вытер пену со рта Евсюка, однако сделать другу искус-

ственное дыхание не смог — побрезговал, вместо этого придумал себе оправдание. Дима должен был умереть первым, именно это с ним и случилось, но отчего наступила смерть? Вдруг Евсюка отравили? Тогда в его слюне содержится яд, а Трофиму еще рано умирать, он четвертый в очереди...

Глава 2

Острый скальпель снимал стружку легко, но медленно, следовательно не торопился, он затачивал карандаш с такой скрупулезностью, с какой ювелир проводит огранку алмаза, а оружейник затачивает саблю. Даже не следователь, а дознаватель, молодой еще, только-только из академии, но уже такой важный. Трофим с усмешкой наблюдал за ним, за этой его попыткой взять визави на психологический прием. Попытка жалкая, однако карандаш лейтенант заточил очень аккуратно и до игольной остроты. Закончив, отложил его в сторону, взяв вместо него авторучку.

— Крупицын Трофим Игоревич? — уточняя, спросил он.

Соломенные волосы у парня, белесые брови, усы хлипкие, и тоже бесцветные, точно пена. Вспомнив о пене, Трофим, нахмурился. Он хорошо помнил пену на губах Димы Евсюкова. У него случился резкий отек гортани, ему бы точно искусственное дыхание не помогло, но Трофим чувствовал себя так,

как будто был виноват в смерти Евсюка. Возможно, лейтенант Чагин также грешил на него. Но бояться нечего. Если дело все еще у дознавателя, значит, смерть не признали криминальной.

— Крупицын.

— Восемьдесят третьего года рождения?

— Одна тысяча девятьсот восемьдесят третьего года рождения, — глянув на карандаш, поправил Трофим.

— Ну да, — слегка смутился лейтенант.

Уж так он старался произвести впечатление важного и опытного, склонного к педантизму и скрупулезности следователя, а оступился сразу на такой мелочи.

— Евсюков был восемьдесят первого года рождения, — усмехнулся Трофим. — На два года старше меня. Вы это хотели узнать?

— Старше вас на два года, но дружили вы со школы?

— Потому что жили в одном дворе.

— Четыре друга?

— Да, и я должен умереть последним, — кивнул Трофим.

Он уже знал, что Чагин беседовал и с Муратом, и с Кислицыным, наверняка кто-то из них рассказывал о странных звонках.

— И кто мог вам звонить? — ничуть не удивился лейтенант.

— Вы полиция, у вас техника. Это я должен у вас спрашивать.

— Может, это был розыгрыш? — не моргнув глазом, предположил дознаватель.

— Если это был розыгрыш, значит, разыграл кто-то из своих, я правильно понимаю?

— Возможно.

— А что, интересный вариант! Кислицын человек не бедный, подарок ему нужно дорогой, а тут сразу на пороге у него умирает друг. И тут уж ему не до подарка!

— Отравить человека, чтобы не дарить подарок? — нахмурился дознаватель.

Такой вариант мог находиться за гранью человеческого понимания, но Чагин все же задумался.

— А Диму отравили? — спросил Трофим.

— Да нет, следов отравления в организме не обнаружено. Смерть наступила в результате аллергической реакции...

— На что?

— Пока не установлено.

Трофим и не думал глумиться над памятью старого друга, но все же усмехнулся. Может, за долгие годы общения со Славой у Димы выработалась аллергия на его присутствие, которая вчера и дала о себе знать. Дима же умер не где-то, а в гостях у Славы. На самом деле не смешно. Хотя Кислый — раздражитель еще тот...

— Надо устанавливать.

— Да вот пытаемся.

— Я Диму ничем не угошал. Даже не контактировал с ним. Да и подарок имениннику преподнес.

— Подарок, подарок... — Лейтенант заглянул в свои записи. — Часы наручные в количестве одна штука.

— Часы наручные.

— А Илья Муратов ничего не подарил... Вернее, собирался, но не успел... И ехал он в одной машине с Евсюковым... — Глаза у дознавателя нездорово заблестели. — И ничего не подарил.

— Вы это серьезно насчет подарка? — забеспокоился Трофим.

Он ведь хотел всего лишь пошутить. Организм ведь по-разному реагирует на стресс, иногда в голову лезут неумные остроты.

— Насчет подарка?... — очнулся дознаватель. — Да нет, причина не дарить подарок — это, конечно, глупо, но вот насчет аллергической реакции...

Лейтенант щелкнул пальцами, будто фиксируя в голове какую-то важную мысль, затем взял авторучку и внес пометку в свой блокнот с красным шелковым шнуром-закладкой в нем.

— А звонок?... Кто-то же звонил Евсюкову?

— А разве Муратов не мог ему позвонить?

— Зачем?

— Зачем?! — задумчиво произнес Чагин.

И задумался он крепко, Трофим даже подумал, не пора ли его потревожить.

— Действительно, зачем? — еще заторможенно, но уже осмысленно спросил дознаватель.

- Но кто-то же нам звонил.
- А вы не могли? — встрепенулся лейтенант.
- А мне зачем?
- Это правда, что Кислицын увел у вас жену?

Трофим скривил губы, глядя на лейтенанта. Ему не очень-то хотелось, чтобы дознаватель так глубоко лез в его личную жизнь.

— А при чем здесь Евсюков?

— При чем здесь Евсюков? — Взгляд у Чагина застыл, черты лица разгладились.

Трофим невольно глянул на часы. Он чувствовал себя как оператор за перегруженным компьютером, процесс постоянно тормозится, работа стоит, а времени в обрез. Через час у него встреча с заказчиком, а Чагин словно комп завис.

— Да, при чем здесь Евсюков?.. С ним у меня отношения были ровные.

— А с Кислицыным? — спросил дознаватель.

— Вот когда он умрет, тогда и поговорим.

— А вы уверены, что умрете последним?

Трофим усмехнулся, глядя на лейтенанта. Станный вопрос. Его мог задать только молодой специалист, и ему, как человеку взрослому и опытному, не следует давать на него ответ. Даже если он относился к подозрительным звонкам со всей серьезностью.

— Товарищ лейтенант, я так понимаю, разговор по существу уже закончился, а мне нужно бежать. Дела, дела!

Во дворе полицейского управления Трофим нос к носу столкнулся с Аллой.

— И тебя вызвали? — с удивлением спросил он.

— Во-первых, здравствуй! — Она смотрела на него с явным укором и затаенным ожиданием.

— Да? У меня такое ощущение, будто мы с тобой не расставались.

Смерть Евсюкова, конечно же, поставила крест на праздничном торжестве, но домой Трофим вернулся глубоко за полночь. И в больницу они за Димой ездили, словно его там могли оживить, и Вику потом долго успокаивали, дома у нее были, потом вернулись к Славе, выпили, чтобы хоть как-то успокоиться...

— Вообще или сегодня?

— Вообще мы расстались навсегда, — сказал Трофим так, будто поставил точку в конце фразы, имея в виду, что они разведены.

— Я об этом не жалею! — сказала Алла и задумалась.

Действительно, разве он давал ей повод выходить из себя? Он всего лишь констатировал факт, причем тоном, близким к равнодушному. И ситуация не располагала к выяснению отношений.

— Я, представь себе, тоже... Извини, мне уже пора!..

Необязательный, как оказалось, разговор с дознавателем отнял довольно-таки много времени, Трофим опаздывал безнадежно — если ехать на

машине. А вот метро могло его выручить. Если до Кольцевой он доберется быстро, без пробок.

Он очень спешил, Алла же, как оказалось, долго раздумывала, идти к следователю или ехать с ним. В самый последний момент решила поехать, поэтому едва не оказалась под колесами старенького «Форда», этой его пока что единственной лошадки.

— Я с тобой! — открывая дверь, заявила она.

Трофим кивнул, соглашаясь взять ее с собой. Во-первых, у него просто не было времени отговаривать, а во-вторых, он собирался бросить машину возле станции метро, а там проблемы с парковками, пока найдешь удобное для стоянки место, пока займешь его, а так Алла заберет машину и уедет к себе в поселок, а там будет видно, как поступить дальше.

Впрочем, Алла и не собиралась ждать, когда он выразит свое согласие. Он еще только кивнул, а она уже закрывала за собой дверь.

— Ты же к дознавателю собиралась?

— Ну ты же был у него. Я с тобой поговорю.

— О чем?

— О любви!.. К приключениям! На мягкое место!

Алла разгладила пальцами платье на груди и дунула в декольте, как она обычно делала в минуты сильного волнения или в жару. В машине действительно было душновато.

— Что это за очередь у вас такая странная? — спросила она.

— Я бы сказал, что это чья-то не очень хорошая шутка...

— А если не шутка?

— Давай, пугай дальше, — усмехнулся Трофим.

— Славу поставили в очередь... третьим. И тут же умирает Евсюков.

— Первым.

— А ты в очереди четвертый, я правильно поняла?

— Если это не шутка, у меня будет время в этом, э-э... в третий раз убедиться.

— А почему ты четвертый, а не Слава?

— Я думал, ты переживаешь за меня, — усмехнулся Трофим.

— И за тебя тоже... — немного подумав, сказала она. — Сначала за Славу, потом за тебя.

— А кто-то расставил нас в другом порядке. Сначала умирает он, потом я.

— Кто-то расставил, — кивнула Алла.

— И это не ты, — улыбнулся Трофим.

— Не я?! — удивилась она.

— Ты бы поставила меня третьим... Или даже первым.

— Ты уже был первым... — Алла хотела продолжить, но махнула рукой, не желая переключаться на прошлое.

— В твоей очереди? — не стал деликатничать Трофим.

— Что все это может быть? Что это за странная очередь? Почему Дима умер?

— Может, кто-то нам мстит?

— За что?

— Ты вот, говоришь, очередь странная. Так и отношения у нас такие же странные. Слава спокойно увел жену у своего друга, а через год пригласил его в гости — поглумиться над ним. И жена не возражала.

— А почему я должна возражать?.. Мы ведь расстались друзьями, — пожала плечами Алла.

— Да?

— Я же не претендовала на твою... на нашу квартиру. И эта машина...

— Ну да, — едва заметно скривил губы Трофим.

Квартира двухкомнатная, в Москве, оформлена и на него, и на Аллу, а кредит еще не выплачен, да и с самого начала ипотека висела только на нем. Алла и брак расторгла, и замуж за Славу официально вышла, а от своей доли отказываться не собирается. Трофим не настаивает на этом окончательном расторжении всех отношений, и сейчас нет желания обсуждать шкурный вопрос.

— Да и не в этом сейчас дело!.. Что говорит следователь? — спросила Алла.

— Дознаватель.

— Какая разница?

— Большая. Никто не верит в отравление, смерть наступила в результате аллергической реакции.

— Я говорила с Викой, у Димы ни на что не было аллергии.

— Все равно смерть спишут на естественные причины. Поверь, никто не станет заниматься этим делом всерьез.

— А как же звонки, как же очередь?

— А как же очередь на Ленку Малинину? — вспомнил вдруг Трофим.

— На какую Ленку Малинину?

— А я тебе не рассказывал? Разве нет? Выходит, еще есть совесть... А Слава не рассказывал?

— Нет.

— Значит, и он знает, что такое совесть... — усмехнулся Трофим. — Видел ее в зоопарке.

В девяносто девятом году мобильный телефон уже не считался роскошью, но имелся далеко не у всех. Малининой подарили телефон на день рождения, она принесла свою новинку в школу, тут все и началась — с подачи Славы, разумеется. Он даже объявление в газету дал, в рубрику интимных услуг. Сначала Малининой просто звонили, предлагая всякого рода непристойности, этого Славе показалось мало, и он на пару с таким же неутомимым Муратом организовал в школе очередь за услугами к Лене, к ней подходили, требовали, все закончилось тем, что девчонку едва не изнасиловали. Славу тогда собирались исключить из школы, но все обошлось, однако за ум он так и не взялся.

— Что за Ленка Малинина? Что за очередь?

— Да так, ничего серьезного.

На самом деле Малининой пришлось несладко, но у Трофима и в мыслях не было винить Ленку. Двадцать лет прошло, прошлое поросло быльем. И не тот она человек, чтобы мстить. Да и за что? Ее же не изнасиловали!

— А то, что Дима умер, это серьезно?

— Дима умер — это факт. И, возможно, совпадение...

— А звонки?

— Звонки... Твой Слава — мастер по розыгрышам. К своему дню рождения в том числе, — вслух подумал Трофим.

— Тогда бы его в очередь не поставили, — парировала Алла.

— Так, может, и не ставили?

— Ну как не ставили? Он мне говорил!

— А сама ты слышала?

— Нет... Но Слава говорил... — уже не так уверенно произнесла Алла.

— Я мог разыграть, — пожал плечами Трофим. — Или Мурат. Или сам Евсюк. В шутку. А то, что он умер всерьез, это всего лишь совпадение...

— Совпадение?..

— У вас еще есть время убедиться... в том, что это не так, — совсем невесело улыбнулся Трофим. — У вас еще есть в запасе Мурат.

— У вас?

— А у меня еще есть Слава. Я должен умереть после него.

— То есть ты уверен, что умирать вы будете строго в соответствии с очередью?

— Я уверен, что нет никакой очереди. Есть только совпадение.

— А если умрет Мурат?

— Тогда и поговорим...

— Если это не шутка, очередь нужно остановить.

— Боишься остаться вдовой? — с усмешкой спросил Трофим.

Алла глянула на него так, будто обвиняла в убийстве. Словно он собирался отомстить Славе за удар в спину.

— Боюсь!

— А ты не бойся, чепуха это все...

— У нас со Славой будет ребенок!

— Да? — опешил Трофим.

Он проверялся, у него по мужской линии все в порядке, проблемы были у Аллы, она не могла забеременеть. Он ей и слова ни разу не сказал, даже косого взгляда не бросил. А она сейчас смотрела на него так, как будто во всем виноват был только он.

— Если вдруг, то как мне быть? — спросила она.

— Ну, на меня ты можешь не рассчитывать.

В ответ Алла фыркнула. Зря Трофим переживает, и не рассчитывает она на него! Но все же в глубине глаз ворохнулась обида.

— Я ведь сразу за Славой, то есть следующий...

— Ну да, — кивнула Алла, принимая оправдание.

— Или сразу, или через пятьдесят лет. Но за ним. Умру последним. Из нашей очереди.

— И Слава после Мурата. Через пятьдесят лет.

— А Мурата точно убьют? — резко спросил Трофим.

— Я этого не говорила! — встрепенулась Алла.

— Но подумала...

— Мурат мне никто, могла и подумать. А Слава... Слушай, а чего ты мне голову морочишь?

— Голову морочит тот, кто очередь составил.

— Может, это на самом деле какая-то идиотская шутка? — с надеждой спросила Алла.

— В сказке — ложь, а в шутке — пожелание. Кто-то нам что-то нехорошее пожелал.

— Кто?

— Бойтесь своих желаний. А чужих — особенно!

— Диму в деревне хоронить будут, он так хотел, — вздохнула Алла.

— Ну хотел и хотел, — пожал плечами Трофим.

Свою квартиру в Москве Дима сдавал внаем, а сам жил в деревне в доме жены. Мать у него похоронена в Москве, но он мог перевезти урну с ее прахом из колумбария на погост поближе к деревне...

— Ты на кладбище будешь?

— Все мы там будем.

— Да ну тебя!

— Я сейчас до метро, а машину тебе оставлю. Ты на ней к Диме подъезжай, а я на такси, там и заберу. А вы со Славой обратно на своей...

Трофим невесело глянул на Аллу, чувствуя досаду. Со Славой она будет уже сегодня, и с похорон уедет вместе с ним. И ребенка родит ему. А он с тоской будет наблюдать за ними со стороны... А ведь Алла правильно его понимает. Смирился он с ее утратой или нет, но Славу бы наказал с превеликим удовольствием. Но Диму-то ему зачем убивать? Евсюк — самый безобидный в их компании, почему начали с него? Или компания здесь ни при чем? А звонки? И почему звонили только Диме, Мурату, Славе и Трофиму...

Глава 3

Настоящую кладбищенскую тишину ничем не нарушишь, ну если только взрывами, канонадой. Или воющим ревом из глубины женской души. Но в мире — мир, война где-то далеко, а вдова новопреставленного молчит. Слезы душат ее, однако плач наружу не вырывается. Лицо у Вики темное от горя, ни кровинки в нем. Мать держала ее за одну руку, дочь за другую, как будто боялись за нее. Вика едва держалась на ногах, но при этом могла с криком броситься за мужем в яму, во всяком случае, Трофиму так казалось. Могильщики сыплют землю на гроб, а шума нет, птицы в зелени деревьев щебечут, воробьи дерутся, а все равно как-то тихо.

Яму засыпали землей, над могилой вырос холмик, но тревога за Вику не прошла. Как бы не сотворила с собой неладное.

Трофим невольно глянул на Аллу, она стояла рядом со Славой, держала его за руку, грудью прижимаясь к ней. Если со Славой вдруг что-то случится, она, убитая горем, будет вот так же стоять

у его могилы. А если вдруг преставится Трофим, она всего лишь тихонько взгрустнет над его гробом.

Думая о своей бывшей, Трофим не заметил, как к нему подошла Вика. И вздрогнул, увидев ее перед собой. Она смотрела на него в упор.

— Я знала, что так и будет, — тихо сказала Вика.

Трофим не знал, что сказать. Насколько он понял, Дима находился в пути, когда его поставили в очередь, к этому времени Вика уже приняла решение остаться дома. Но выяснять сейчас, откуда она знала, что с ним случится, было не к месту. И про аллергию спрашивать тоже. Тем более Вика могла выдавать за истину свое предчувствие беды, возможно, очень смутное. Или даже возникшее позже.

— Я знала, — повторила Вика. Ее лицо скривилось, и слезы наконец хлынули из глаз.

— Ну что ты! — Трофим подался вперед, готовый обнять и пожалеть ее, но Вика не откликнулась, не потянулась к нему, и он застыл. Не хочет, не надо, навязываться он не будет.

— Я тебя жду, — едва слышно, сквозь слезы сказала она.

Рядом с Трофимом стоял Мурат, какой-то помятый, придавленный, один, без своей подружки. Вика ему ничего не сказала, просто провела рукой по плечу, огибая его. И кивком показала в сторону ворот, а сама вернулась к могиле. Славу она проигнорировала, как будто он был виноват в смерти мужа. Зато Трофим вопросительно глянул на Кис-

лица: хотел знать, собирается он оставаться на поминки или нет? До Москвы километров семьдесят, не так уж и мало, тем более можно угодить в пробку. Да и нельзя им пить, все за рулем, если только посидеть немного за общим столом всухую. Но Слава не ответил. Скривив губы, он повел Аллу к выходу. Всем видом вдруг дал понять, что во всем виноват Трофим. Алла вздохнула и пошла за мужем, продолжая висеть у него на руке. Платье на ней черное, средней длины, закрытое и спереди и сзади, но выглядела она в нем довольно-таки соблазнительно. Впрочем, Трофим уже научился глушить в себе порожденные ею соблазны.

Он не пошел за Кислицыными, дождался, когда пара скроется из вида, и только тогда направился к воротам. Мурат неподвижно стоял, взгляд отсутствующий, мысли где-то далеко. Трофим коснулся его руки, желая увлечь за собой, но тот этого как будто и не заметил. Может быть, и Мурат его в чем-то винил? А может, он просто думал о том, что следующий в очереди. Но ведь это не серьезно. Ерунда все это, нет ни одной серьезной причины изводить их старую компанию. Да и не бывает такого в жизни, чтобы людей убивали одного за другим согласно кем-то составленному плану. Такое бывает только в розыгрышах, понарошку.

Трофим шел к воротам по тропинке и очень удивился, когда оказался вдруг в самом центре кладбищенской глуши. Время полуденное, солнце в зените, тени короткие, но все равно место тем-

ное, мрачное. И вдруг Трофим почувствовал, что за ним следят, он присмотрелся и среди памятников, за железной оградой увидел человека, точнее, его силуэт. В лучах солнечного света что-то блеснуло — на уровне груди. И еще Трофим даже заметил тень, которую отбрасывал плащ и цилиндр. Плащ старинный, крылатка с пелеринами, в таком наряде, кажется, стрелял на дуэлях Пушкин. А блеснул удлиненный предмет, который человек держал в руках, на ум пришла трость с золоченым набалдашником. А какая еще ассоциация могла возникнуть на фоне плаща и цилиндра?

Человек исчез, как будто его и не было. Словно провалился сквозь землю или растаял как призрак в глубинах вечности? Но скорее всего, Трофиму всего лишь померещилось. Он уже убедил себя в том, что стал жертвой самовнушения, когда услышал шаги за спиной. Сначала вздрогнул, а затем обернулся. И облегченно вздохнул, увидев Мурата. Он шел, погруженный в свои мрачные думы, и только сейчас, казалось, заметил Трофима.

— А где все? — оглянувшись, спросил он.

— Заблудились мы с тобой, — ответил Трофим.

— Вообще-то, я за тобой шел.

— Значит, я заблудился.

— Зачем? — Мурат с подозрением смотрел на него.

— Зачем заблудился?.. — не понял Трофим. — Ну ты загнал!

— Глухо здесь!

— Как в танке.
— Как в могиле.
— Что ж, тогда у нас есть шанс воскреснуть, — усмехнулся Трофим.

— Тогда пошли! — Мурат кивком призвал его продолжить путь.

— Назад нужно.

— Назад на кладбище нельзя. Плохая примета.

И оглядываться тоже.

— А прямо — тупик!

— Да нет, кладбище закончилось, дорога будет.

— А оно закончится?

— Все когда-нибудь заканчивается. И кладбище тоже.

— Обычно все заканчивается кладбищем.

— А что, здесь неплохо! Тихо, спокойно, — с самым серьезным видом сказал Мурат. — И даже красиво. — Он глянул по сторонам и кивнул, словно подтверждая свое благоприятное впечатление о кладбище. Уж ни к вечному ли покою готовилась его душа?

— Покойники ходят, — усмехнулся Трофим.

— Жаль, не вижу. А то вдруг вечная жизнь существует, а мы не в курсах.

— Я знаю. В смысле видел, только что. Плащ, цилиндр, трость... Пушкин здесь гуляет. Или кто-то из тех, кого он в гроб уложил. — Трофим повел рукой в сторону, где видел силуэт. — На дуэли.

А ведь это на самом деле был призрак из далекого прошлого, этот плащ, этот цилиндр...

— Без лоха жизнь плоха? — спросил Мурат, с подозрением глядя на Трофима.

А он в ответ удивленно качнул головой. В принципе кладбище — идеальное место для розыгрыша, но это не про него. На Трофима и смерть Евсюкова давит, и недоброе предчувствие, вызванное телефонным предсказанием. Ему бы ноги отсюда унести.

— Да нет, видел, а может быть, померещилось.

Вдалеке среди могил снова мелькнул знакомый цилиндр и тень, которую откидывал старинный плащ. Но это кусты могли шевелиться, да и кроны деревьев колышутся на ветру, создавая игру теней.

— Ты что-нибудь видишь? — пальцем показал в ту сторону Трофим.

— Да ходит кто-то... — всматриваясь вдаль, кивнул Мурат. — Остановился! — Он вдруг сорвался с места и рванул к призраку, который снова исчез из виду. Если, конечно, он вообще существовал.

— Ты куда? — Трофим взял Мурата за руку, когда он обходил его.

— Я сейчас! — вырвался он.

Догонять его Трофим не стал, идти за ним тоже. Делать ему нечего — за покойниками по кладбищу гоняться. А вообще, ощущение такое, словно они переместились в какое-то Средневековье. Трофим глянул назад и вдалеке заметил людей, мужчину и женщину, он в темной рубахе, она в черной шляпе, оба шли куда-то к воротам. Шли быстро: исчезли из виду, скрылись в зелени кустов и деревьев.